

С.С. ВОРОНИН

*(Челябинский государственный педагогический университет,
г. Челябинск, Россия)*

УДК 821.112.2.09 (Франк Л.)
ББК Ш5(4Гер)-4

ТЕМА ШКОЛЫ В ПОВЕСТИ ЛЕОНГАРДА ФРАНКА «ПРИЧИНА» (1915)

Аннотация: В статье предложен анализ повести Л. Франка «Причина» в контексте творчества писателя и литературной традиции. «Причина» – один из самых ярких текстов Л. Франка о жестокости школьного воспитания. Острая социальная критика совмещается здесь с экспрессионистки усложненной манерой письма. Поэтому в статье уделяется внимание хронотопу повести, основным мотивам, а также приёмам поэтики автора. Система образов рассматривается с точки зрения мотива двойничества.

Ключевые слова: тема школы, школьная проза, образ учителя, мотив двойничества, рефлектирующий персонаж.

На рубеже XIX–XX столетий в немецкой литературе особую актуальность стала приобретать школьная проза, которая формировалась как реакция на две разнонаправленных тенденции, господствовавшие в государственной идеологии Германии – апологию тотальной власти школьного учителя и критику казарменной школьной действительности с её телесными наказаниями. Самые именитые писатели эпохи откликнулись на животрепещущую тему того времени. Одним из первых текстов, вызвавших бурную полемику, стала пьеса Ф. Ведекинда «Пробуждение весны» (1890). Громким вызовом сложившейся системе стал знаковый роман Г. Манна «Учитель Гнус, или Конец одного тирана» (1905). Не меньший общественный резонанс вызвали повесть Г. Гессе «Под колесом» (1905) и роман Р. Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» (1906). Тема школы стала одной из ключевых и в творчестве Леонгарда Франка (1882–1961) – немецкого писателя и драматурга первой половины XX века. Школа как микромодель социума была описана им на страницах первого романа «Шайка разбойников» (1914). Однако более глубокую разработку тема получила в повести «Причина» (1915), по праву считающейся одним из лучших произведений Л. Франка.

Уже современниками писателя была отмечена высокая социальная значимость повести, разоблачающей немецкую школу и учителя, олицетворяющего собой жестокость и несправедливость. По мнению

известного романиста и драматурга Альфреда Ноймана, повесть стала «страшной расплатой с убийцей юности автора, учителем Дюрром...»¹.

Метафора убийства прямо реализуется в повести. В «Причине» убийцей в прямом смысле слова становится главный герой – поэт Антон Зейлер, которому удалось воплотить в жизнь то, о чём лишь мечтали юные «разбойники» из первого романа Л. Франка. Зейлер, вспоминая нанесённую ему в детстве обиду, спустя четырнадцать лет вернулся в родной город и убил учителя, за что впоследствии был приговорён к смертной казни.

В образе главного героя тесно переплетаются ключевые философские веяния эпохи. Характер Зейлера обусловлен влиянием идей Ф.М. Достоевского, Ф. Ницше и З. Фрейда.

Подобно Раскольникову Ф.М. Достоевского, герой Л. Франка создал собственную теорию (теорию первопричин), которая и подтолкнула его к убийству. Зейлер – поэт, герой, склонный к самоанализу, рефлексии, как и Раскольников. Он напечатал ряд статей, в которых излагал свои мировоззренческие принципы. Находясь на низшей ступени социальной лестницы, он постоянно чувствовал себя «униженным и оскорблённым». Это чувство также сближает главного героя Л. Франка с персонажами Ф.М. Достоевского.

Сам же герой объясняет совершенное им убийство с точки зрения фрейдистской теории подсознательного. На протяжении всего повествования мы видим эволюцию сознания героя, который постепенно приходит к пониманию истинных причин убийства. В повести разворачивается борьба сознания и подсознания героя, разума и интуиции. Если рассудок, опровергая теорию З. Фрейда, говорит, что унижительные воспоминания детства «не могут быть причиной... ненависти»², то подсознание диктует свою волю, поэтому в ответ на радостную реплику отца: «Наконец-то ты приехал» [с. 20], – поэт неожиданно отвечает: «Да, из-за учителя!» [с. 20]. Внутренние монологи героя представляют собой мучительные попытки понять истоки охватившей его ненависти, толкающей к преступлению: «Неужели <...> все пережитые унижения человек носит в себе до глубокой старости? И вся его дальнейшая жизнь определяется ими?» [с. 25]. Постепенно он приходит к пониманию, что «причины... преступления кроются в далёком прошлом» [с. 42]. Следова-

¹ Leonhard Frank. 1882–1961 / Zusammengestellt von Ch. Frank und H. Jobst. – München, 1962. – 50 S.

² Франк Л. Причина / Леонгард Франк / Пер. с нем. И. Каринцевой // Причина: Повести и рассказы. – М., 1969. С. 20 (в дальнейшем страницы данного издания указываются в тексте в квадратных скобках).

тельно, авторская установка на учение З. Фрейда очевидна. С этой точки зрения всю повесть можно рассматривать как художественное воплощение идеи о том, что «переживания определяют поступки» [с. 74], носителем которой и стал главный герой – Антон Зейлер.

Более того, Зейлер мнит себя «преобразователем мира» [с. 21]. Подобно героям ницшеанского толка, он желает освободить мир от зла, персонафицированного в образе учителя. Цепь трагических обстоятельств, виновником которых стал школьный преподаватель, подтверждает мысль героя о необходимости искоренить мировое зло, уничтожив «злое животное» [с. 19]. Зейлер возлагает на себя миссию борца за справедливость, желающего во что бы то ни стало наказать виновника детских трагедий.

Система образов повести вновь отсылает нас к русскому классическому роману: в центре образ нищего, но духовно и интеллектуально одарённого молодого человека, который имеет ряд «двойников». Л. Франком создана целая система персонажей-двойников Антона Зейлера. Наиболее ярко мотив двойничества проявляет себя в сцене суда над поэтом. Мальчик, в котором Зейлер ещё во время посещения учителя узнал себя, на судебном заседании станет непосредственным отражением героя, его детским «Я». Антон, обращаясь к присяжным, говорит: «Рассматривайте меня, как его прообраз» [с. 58]. Малыша даже увели из зала заседания, «как будто и он заключённый» [с. 58]. Постоянно давая такие отсылки в будущее, Л. Франк намеренно указывает на общность судеб. Он создаёт типичный образ ребёнка, пострадавшего от тирании учителя, ибо целые поколения оказались сломленными деспотией своих школьных педагогов. И рано или поздно это сыграет с ними злую шутку, уверен Л. Франк, т.к. испытанные в детстве унижения подтолкнули их к преступлению.

Двойником героя в повести становится и его сестра, которая тоже стала жертвой учителя-тирана. На примере одной семьи Л. Франк показывает непрерывность цепи искалеченных школой судеб, страдания целых поколений. Всё это усугубляет трагический пафос повести, усиливая вину школы за погубленные жизни своих воспитанников.

Ещё одной жертвой учителя Магера стал сын оптика, унаследовавший лавку своего отца. От него мы узнаём, что когда-то он, как и Антон Зейлер, был объектом издевательств педагога. Однако душевная травма, полученная в детстве, отнюдь не отразилась на его взрослой жизни. Л. Франк показывает, что только такой герой, как Зейлер, может испытывать страдания от пережитой много лет назад несправедливости, поскольку перед нами впечатлительная, одарённая, творческая, размышляющая натура, противопоставленная простодушному,

неотёсанному оптику. В этой связи детские образы в повести приобретают особую значимость: Л. Франк показывает, как уже с самого детства формируется личность ребёнка, представляя два контрастных образа, один из которых (мальчик, избитый Магером) станет будущим Зейлером, а другой – таким же, как оптик, ибо уже сейчас он не способен к проявлению каких бы то ни было чувств и эмоций. Школьная муштра превратила его в одеревенелого, ничего не замечающего, чуждого к людскому горю подростка, привыкшего стоять перед учителем «смирно, как солдат» [с. 37]. В будущем он, как и нынешний оптик, не станет жаловаться на учителя или мстить ему, поскольку вюрцбургские обыватели, привыкшие к подобному с ними обращению, убеждены, что Магер ни в чём не виноват, т.к. «в маленьком городе... учитель стоит на недосыгаемой высоте...» [с. 61], его авторитет непоколебим, а выбранные им методы воспитания не вызывают сомнений.

Таким образом, усложняя разработанную систему персонажей-двойников, Л. Франк показывает различные реакции на тиранию учителя, что соответственно формирует разные типы личностей: рефлектирующего героя и героя-обывателя, безразличного к чужим и даже своим собственным страданиям.

Ещё одним двойником Зейлера становится падшая женщина, у которой он берёт деньги, чтобы второй раз приехать в Вюрцбург. Как и Антон Зейлер, она является жертвой трагических обстоятельств. Находясь на дне социума, они оба остро ощущают всю несправедливость общественного устройства. На безысходность судеб бедных и бесправных героев указывает сам Антон Зейлер, называя проститутку и слепого нищего, вынужденного просить подаяние, «нашего поля ягодами» [с. 32].

Доктор Винер – противоречивый персонаж, т.к., с одной стороны, является образом, противопоставленным Антону Зейлеру, а с другой, выполняет функцию ещё одного двойника главного героя. Противопоставление Зейлера и Винера прежде всего прослеживается на уровне их социального положения: один беден – другой богат, буржуа с аристократическими замашками и обнищавший поэт с обострённым чувством справедливости. Причём противопоставление подчёркнуто даже на уровне хронотопа: комната Зейлера напоминает конуру, а Винер снимает «нарядно обставленный салон» [с. 25], в комнате поэта «собачий холод» [с. 26], поэтому он «тибрит тепло» [с. 26] у Винера. Однако и тот и другой сближены в контексте авторского повествования: один погряз в материальной нищете (которая, по мнению героя, «марает и душу» [с. 27]), другой – в духовной, что позволяет Зейлеру сделать соответствующий вывод: «Оба свиньи: один подличал, другой – не

задумывался» [с. 28]. В их диалоге звучит ещё одна важная мысль, определившая умонастроения эпохи. Герои обсуждают теорию Ч. Дарвина, которая в сознании Зейлера проецируется на жизнь социума, что в очередной раз служит напоминанием о суровых законах борьбы в обществе, где выживает только сильнейший.

Одним из самых колоритных образов повести является образ присяжного заседателя – единственного поверившего Зейлеру. Л. Франк называет его «Одноглазый». Именно он становится для поэта последней надеждой на спасение, «правдивым оком закона» [с. 52]. Их объединяют с Зейлером мучительные попытки разобраться в причинах своих поступков. Они отчётливо слышат голос совести. Но в итоге внутренний мир обоих оказался сломлен: «...Мир рухнул. Выхода нет» [с. 73]. Исход их жизней одинаков. В финале мы видим смерть Зейлера и самоубийство Одноглазого. Их судьбы становятся иллюстрацией идеи Л. Франка о том, что мыслящая, чувствующая личность (а оба персонажа относятся к типу рефлектирующего героя), один раз совершив подлый или противозаконный поступок, не может найти достойного выхода, примирения с голосом собственной совести. Искупление невозможно. Поэтому обоим ждёт смерть.

Важное положение в системе образов занимают родители Зейлера. Их дом в Вюрцбурге, куда возвращается поэт, – это особое пространство, под стать городу: здесь ничего не меняется, ибо время остановилось. Убогая квартира, в которой они живут, где «пахнет потом и соломой» [с. 39, 20], становится свидетельством крайней бедности родителей. С их появлением в повести начинают звучать христианские мотивы. Так, оказывается, что мать «продала Христа» [с. 21] – гравюру с картины Рубенса «Распятие», что в повести становится знаком гибели незыблемых ранее устоев, а значит, символом некоей вседозволенности, когда каждый, возмнив себя «преобразователем мира», может нарушить одну из главных христианских заповедей – «Не убий». В мире без Христа возможны всякие преступления, ибо «человек превратился в больное, коварное, хищное животное» [с. 66]. Данный мотив, усиливая трагическое звучание повести, стал отражением не теряющего своей актуальности и по сей день противоречия: утраты духовных ценностей, обнищания души в мире товарно-денежных отношений. Конфликт усугубляется в финале повести, когда мать осуждённого на казнь приходит к полному отрицанию Бога: «...В бога я больше не верю. Молилась ему... Напрасно!» [с. 88]. Всё это свидетельствует о крахе традиционной системы ценностей и христианских добродетелей, когда человек отвергает свои прежние идеалы, казавшиеся ему незыблемыми, что в итоге приводит к катастрофе. Таким обра-

зом, трагический конфликт повести заострѐн до предела: мир, в котором продан даже Христос, теряет свои прочные основы, свою духовную опору и главную поддержку в виде религии, что отражается на духовном состоянии людей, живущих в таком мире: «Души у людей изранены. Весь мир пропах карболкой!..» [с. 75]. Последствия процесса обнищания души, при котором «материальная нужда порождает нужду духовную» [с. 27], по Л. Франку, весьма и весьма трагичны: «человечность в ужасе отступила перед отмеченным печатью безумия ликом человечества» [с. 66].

Образы Зейлера и его родителей сближает и мотив утраты иллюзий. Однако если Антон представлен героем разочаровавшимся, полностью утратившим какие бы то ни было иллюзии юности, то родители продолжают жить в мире иллюзий, что вызывает скепсис героя: «Всѐ ещё иллюзии, всё ещё» [с. 21].

Таким образом, повесть построена так, что образ главного героя дополняет целая система двойников, разработанная Л. Франком.

Повторяемость, цикличность, похожесть закреплены и в хронотопе повести. Один из центральных её мотивов – мотив стагнации, неизменности жизни в Вюрцбурге. Это город, который «на три дня отстаёт от жизни планеты» [с. 25], где за четырнадцать лет абсолютно ничего не изменилось, где ученики до сих пор вынуждены сносить унижения своего учителя, тирания которого безгранична. Вюрцбург – город, имеющий не только отличительную культуру и архитектуру, но и своё настроение – страх. Страх словно парализует жителей, прочно поселившись в атмосфере их города. В первую очередь, страх этот связан с образом учителя, т.к. именно он становится центром его распространения. Мотив тотального страха становится неотъемлемой частью повести, в которой поднимается тема школы, как это уже встречалось на страницах первого романа Л. Франка «Шайка разбойников».

На протяжении всей повести звучит и мотив непонимания, неприятия поэта окружающими. Зейлер словно вычеркнут другими людьми из жизни. Так, уже в самом начале повествования Зейлер, наблюдая за своими соседями по купе, приходит к выводу, что «пассажиры... на протяжении всего пути вообще ехали мимо него...» [с. 19]. Его не понимает даже собственная мать, которой он пытается рассказать о нахлынувших на него воспоминаниях детства. Стена непонимания растёт в сцене допроса: «Я и не жду, что вы меня поймѐте» [с. 43], – говорит Зейлер. Ещё больше усугубляется мотив во время осмотра психиатром, и наконец, своего апогея достигает на суде: «Безнадѐжно. Они меня вовсе не понимают» [с. 52], – думает Зейлер. И словно в подтверждение звучат слова одного из присяжных: «Вам ни-

кто в целом свете не поверит» [с. 53-54]. Таким образом, герой изначально обречён на непонимание и одиночество, поэтому истинная причина его преступления так и останется непонятой.

Приёмы поэтики, использованные Л. Франком, подчинены художественному воплощению авторской концепции. Так, важную роль в повести играют сновидения (накануне отъезда, накануне казни и др.), ломающие чёткую структуру реального и нереального, заставляющие героя «вновь пережить» в фантастически преувеличенном виде все мучительные унижения» [с. 18]. Особое внимание уделено воспоминаниям Зейлера, также восстанавливающим в памяти «все унижения, связанные с учителем Магером, которые за четырнадцать берлинских лет он вновь и вновь подробно разбирал» [с. 20].

Трагическую развязку подготавливают излюбленные Л. Франком приёмы. Сравнения, например, становятся страшным предзнаменованием судьбы Зейлера: «лицо его осунулось, точно у преступника» [с. 17]; «...неожиданно его лицо осветила, точно расколов бандитскую маску, печальная улыбка» [с. 19]; «взгляд сверкнул точно нож убийцы» [с. 38]; «солнце как диковинная мёртвая птица» [с. 87]; «казалось, весь земной шар занёс над ним топор» [с. 95]. Немало внимания также уделено эпитетам, подчас имеющим оксюморонный характер («печальная улыбка» [с. 18]) и поэтике предостережения, например, в сне героя, когда неожиданное изменение в гармоничной природе станет символом надвигающейся катастрофы, случившейся с героем («синее летнее небо внезапно чернеет» [с. 18]).

Таким образом, в повести «Причина» Л. Франку удалось при помощи мастерски отточенной формы повествования осветить важнейшую проблему эпохи – конфликт свободы и тирании, явленный в образе учителя Магера, символизирующего собой немецкую школу начала века, и Антона Зейлера – типичного ученика, ставшего жертвой деспотии школьного учителя. Однако тема школы в повести Л. Франка получила философскую глубину и обобщённость, что позволяет рассматривать основной конфликт повести в нескольких аспектах: как противостояние школы, гнёт которой подавляет личность ребёнка, нанося душевные раны, не заживающие на протяжении всей жизни, и учащихся, ставших жертвами деспотии; как противостояние государства, символом которого становится школьный учитель, использующий тоталитарные методы для воспитания покорных, безынициативных подданных, и гражданина, не лишённого чувства собственного достоинства, свободы выбора и свободы совести; как противостояние законности и несправедливости, мести и обиды, силы и слабости, человеколюбия и человеконенавистничества, запрета и вседозволенно-

сти, кары и безнаказанности, опеки и беззащитности, раскаяния и осуждения, добра и зла.

Сквозь призму сознания главного героя показана несправедливость социального устройства, бездушных законов, по которым вынуждено жить общество, перенимая принципы естественного отбора, где души людей изранены царящими вокруг преступлениями и пороками. Школа в таком обществе является одним из главных инструментов непосредственного воздействия государства на жизнь человека, поэтому в повести, проникнутой обличительным пафосом, беспощадной критике подвергаются все недостатки общественного устройства, которые и подталкивают человека к преступлению, складываясь в итоге в жестокое и беспощадное слово «причина»: «Смрад школ, лживое воспитание и ханжество, погоня алчных грабителей за всё новыми и новыми миллионами, с одной стороны, и вонючая нужда – с другой, зловонная мораль всего общества порождают слово «причина» [с. 66]. Поэтому заглавие повести многозначно: это и причина конкретного преступления, совершённого Зейлером, и причина всех совершаемых в мире преступлений вообще, и наконец, причина царящих в обществе зла и несправедливости.

Таким образом, тема школы с её конфликтом тирана-учителя и жертвы-ученика, став основным двигателем сюжета, получила в повести Л. Франка философское обобщение и послужила базой для постановки не только остросоциальных вопросов (конфликт богатых и власть имущих с «униженными и оскорблёнными»), но и для решения общечеловеческих проблем: какое значение в жизни человека играют свобода, вера, совесть и т.д. В конечном счёте повесть, разоблачающая тиранию школы, являющейся символом карательной функции государства, вседозволенности по отношению к нижестоящим и подчинённым, стала ещё одним подтверждением того, что за ошибки учителей приходится дорого платить их воспитанникам, иногда – ценой собственной жизни.